

ГЛАВА XII. О взаимном кредите

Слово кредит вошло во всеобщее употребление и ежеминутно произносится людьми всех сословий, но, несмотря на это, остается для большинства двусмысленным. Народ по большей части придает ему такое значение, какого он не имеет ни в делах, ни в политической экономии, ни, следовательно, во взаимности. Это происходит оттого, что экономический язык составил не так, как язык Химии и Права; над ним трудились не ученые, а практические люди, лишенные познаний и философии, принимавшие за благодеяние то, что следовало считать рассчитанной сделкой, смешивавшие таким образом самые противоположные понятия и наконец усвоившие себе нечто более похожее на воровскую терминологию, чем на разумную речь.

Кредит есть искаженное латинское слово *credit-us* или *credit-um*, страдательное мужское или среднее причастие от глагола *credo*, который значит верить или доверять. Продавать в кредит – испорченная латинская фраза, которая значит продавать тому, кому веришь, или продавать по доверию, т. е. надеясь на обещание покупателя, что он впоследствии заплатит. Давать в займы в кредит значит точно также давать не по поручительству и не под залог, но в надежде, что данное будет возвращено. Стало быть, кредит есть доверие: прежде слово это иначе и не понималось.

Теперь дело другое: кредит вовсе не выражает доверия, что ни толкуй об этом современные лихоимцы. Кредит превратился в операцию по преимуществу торгашескую и корыстную, где личности, называемые капиталистами или купцами, дают свои капиталы или товары нуждающимся людям, которых называют покупщиками или должниками. Но когда чтонибудь дается таким образом, без немедленной уплаты, то это делается вовсе не на слово и не даром, как думает народ; дают под залог движимого или недвижимого имущества, по поручительству, и получают за это премию, которая часто платится вперед, вычитается и которую называют процентом: все это совершенно противоположно тому, что обыкновенно понимают под словом кредит.

В принципе, заимодавец не доверяет никому: он верит только залогу. Может статься, что по добродушию, как человек и друг, он одолжит другого, в честности которого не сомневается; но в делах кредитом называется вовсе не то. Если банкир ведет свои счета осторожно и правильно, то не запишет в своих конторских книгах на имя своего друга сумму, которую дал ему на слово; он запишет эту сумму на свое имя, потому что ее нельзя требовать в назначенный срок, и потому что, давая в долг таким образом, порукою он был сам; а это значит, что в подобном случае на самом деле он доверяет только самому себе.

Кредит можно, стало быть, понимать двояким образом: есть кредит вещественный, который основывается на вещах или залогах, и кредит личный, который гарантируется единственно добросовестностью должника. Народ всеми силами стремится к личному кредиту: он иначе не понимает взаимности. Поговорите с простым человеком о залогах, о поручительстве, о двойной или тройной подписи, или хоть о торговом векселе, представляющем ценность, которая выдана и везде может быть принята: – он перестанет понимать нас и примет все ваши предосторожности за оскорбление. Так не делается между добрыми знакомыми, подумает он. – Я двадцать лет занимаюсь моим ремеслом, скажет вам этот работник; вот вам свидетельство о моем поведении; я желаю занять лично на себя, и мне нужно 3,000 франков. Можете вы дать мне их? – Он изумится, если вы скажете ему, что в делах во взаимном банке, как и во всяком другом, принято за правило верить не человеку, а залогу.

Воспитать в этом отношении народ – дело управляющих и директоров обществ взаимного кредита. Я очень опасаюсь, чтобы неуместная снисходительность или неосновательная боязнь нарушить свою программу не увлекли некоторые общества в неосторожные и рискованные займы. Необходимо, чтобы работники усвоили истинные принципы; надо, чтобы они твердо убедились, что в деле кредита более, чем во всяком другом деле, надо строго различать Милосердие и Право; что общество, основанное на принципе взаимности, не следует смешивать с обществом вспомоществования – словом, что дела не имеют ничего общего с подвигами милосердия и филантропии. Рабочие общества должны позволять себе личный кредит лишь изредка, и то с величайшей осмотрительностью, хотя в строгом смысле он то и есть настоящий кредит; иначе они рискуют превратиться в скором времени в филантропические учреждения, разориться, благодаря лицепритию, фальшивым векселям, нравственным гарантиям, и наконец лишиться чести.

Что же мы назовем взаимным кредитом?

Кредитные операции делятся на две большие категории: 1) учет торговых ценностей, 2) ссуда капитала земледелию и промышленности.

Каждая из этих операций требует непременно положительного, вещественного залога. Таким образом, когда негодник нуждается в звонкой монете, он достает ее посредством векселей, выдаваемых им на своих клиентов-должников и, кроме того еще за подписью другого негодника или банкира, а иногда двух, что составляет три и даже четыре ручательства: 1) плательщик, 2) векселедатель, 3) надписатель или надписатели; каждый из них отвечает и личностью, и имуществом. Во время кризиса часто случается, что негодники достают деньги под залог товаров, которые обыкновенно стоят втрое и вчетверо дороже ссужаемой под них суммы. Надо, чтобы рабочий люд твердо помнил, что взаимность не может освободить их ни от одного из этих ручательств, на которых основывается кредит. Дело совсем не в этом.

Мы сказали выше, что кредит не дается на простые обещания, а под залог наличных имуществ; кроме того это операция корыстная, требующая для заимодавца вознаграждения или выгоды, настоящей премии, равносильной страховой премии, колеблющейся между 2, 3, 4 и 5, 6, 7, 8 и 9% в год и называемой процентом. к этому проценту банкиры часто прибавляют плату за комиссию и другие мелкие издержки, которые часто возвышают ссуду

еще на 1%. Дело в том, чтобы взаимностью уменьшить этот процент и побочные расходы, как в торговых учетах, так и в займах под залог для земледелия и промышленности.

В последние семнадцать лет я писал слишком много по вопросу о взаимном кредите и потому не считаю себя обязанным вдаваться теперь в пространные объяснения по этому предмету; достаточно будет нескольких слов.

Денежный процент, максимум которого определен законом 3 сентября 1807 года в 6% для торговых сделок и в 5% для гражданских, составляет для труда самый тяжелый гнет, а для потребления – самый неосновательный и вредный налог. Достаточно вспомнить, что торговые учеты дают одному французскому банку и его конторам до 40 миллионов чистого барыша; что же касается ссуды капиталов земледелию и промышленности, то в 1857 году вся сумма залогов простиралась до 12 миллиардов, что составляет по крайней мере 600 миллионов процентов.

Касательно обращения и учета ясно, что торговый процент 6, 7, 8 и 9%, взимаемый банкирами, составляет дань, которую негодяи благосклонно платят тем, в чьих руках скопляется звонкая монета; купцы могли бы страховать друг друга за самую небольшую премию, которую неудовольствуется ни одна компания; действуя с разрешения правительства, они могли бы обеспечить себе доставку на 60 и 80% дешевле тарифа железных дорог; – они могли бы, с помощью или без помощи правительственного вмешательства, ссужать друг друга по таким процентам, до которых не мог бы низойти ни один капиталист.

Когда в 1848 году, благодаря инициативе временного правительства и торговой подписке, была основана учетная контора, кто мешал тогда правительству, вдвойне гарантировавшему этот новый банк облигациями города Парижа и билетами казначейства, постановить, что акционеры конторы будут пользоваться учетом своих векселей без процентов, получая простое вознаграждение за комиссию? Вскоре всякий стал бы добиваться этой выгоды, стал бы просить акций, то есть выкупал бы добровольным единовременным взносом ту дань, которую платил банкирам ежегодно. Но в 1848 году февральская республика вся углубилась в политику; ей не было дела до взаимности; довольная тем, что пустила в ход новую машину, она отказалась в пользу акционеров от всякого участия в барышах. Теперь государство взяло назад свою гарантию, сделавшуюся бесполезною; капитал конторы, состоявший прежде из 6,666,500 франков вклада акционеров, возрос до 20,000,000, а акции, стоившие вначале 500 фр., ценятся на бирже в 980 франков.

Что же касается ссуд в пользу земледелия и промышленности, то так как они состоят из сырых материалов, рабочих инструментов, скота, припасов и рабочих рук, так как выражение – поземельный кредит означает вовсе не ссуды земель, лугов, полей, виноградников, лесов, домов или других недвижимостей, а просто ссуды работ и запасов; так как звонкая монета служит здесь, как и в торговле, только средством обмена; так как, поэтому, означенные ссуды могут делаться лишь из сбережений нации, и так как, следовательно, единственное назначение поземельного кредита состоит в том, чтобы облегчать своим посредничеством заключение займов, потому что подобная операция

гораздо более походит на срочную продажу, чем на заем под залог, – то из всего этого опять таки ясно, что и здесь взаимность может и должна получить самое блистательное приложение, потому что дело идет только о практическом осуществлении того, что в сущности уже имеет действительную силу, – а именно, что истинные заимодавцы – производители, что займы даются не деньги, а сырые материалы, рабочие дни, инструменты и запасы; что для этой цели следует учредить не банк, а скорее магазины и склады; наконец, что всякие ссуды подобного рода должны делаться в виду воспроизведения, и что поэтому производители должны организовать свои взаимные ссуды посредством синдиката; это доставило бы им дешевизну, невозможную для менял.

Нельзя надивиться тому странному обаянию, которое деньги производят на наших финансовых рутинеров и псевдоэкономистов. Когда в 1848 году в республиканском собрании занялись учреждением поземельного кредита, спасителя нашего земледелия, то в виду имели только одно: создать с возможно меньшим количеством звонкой монеты возможно большую сумму в кредитных билетах; совершенно тоже делалось и во французском банке. Но чем больше мечтали об этом, тем больше встречали затруднений. Во-первых, никто не хотел согласиться ссужать свои деньги по 3, 3,65 %, так чтобы новое учреждение могло снова отдавать их займы под залог на 20–60 лет по 5, 5 1/2 или 6 %, включая сюда расходы по погашению и издержки на управление. Кроме того, если бы и нашлись заимодавцы, к чему же это привело бы? Заклад недвижимых имений, тем не менее, шел бы своим чередом; земледельческий долг возростал бы и становился бы все более и более неоплатным, и учреждение поземельного кредита привело бы к общему отчуждению собственности, если бы продолжали занимать по 6 и 5 процентов, тогда как земля дает дохода всего 2 %. Когда противоречие явилось таким образом с обеих сторон – и со стороны капиталистов, и со стороны земледельческого долга, это превосходное учреждение поземельного кредита, на которое возлагалось столько надежд и которое сначала приписывали императорскому правительству, было покинуто: теперь земледелие занялось совсем другим. Мы сейчас упомянули, что вся сумма залогов простирается до 12 миллиардов. Чтобы поземельный кредит мог удобно выплачивать или пускать в обращение такую сумму, нужно, чтобы он, подобно банку, собрал в своих кассах звонкой монетой по крайней мере третью часть этого капитала, то есть, 4 миллиарда, которые служили бы залогом на 12 миллиардов билетов. Не смешно ли это до последней степени? А между тем это-то и было камнем преткновения, о который разбились и искусство наших финансистов, и ученость наших экономистов, и надежда наших агрономов–республиканцев!... *Stupete gentes!*

Стало быть, здесь, как и везде, приходится истреблять тройное злоупотребление, которое уже давно исчезло бы, если бы не глупость наших предпринимателей и не потачка им со стороны наших правительств:

1. Все более и более упорное нарушение экономического права.
2. Безвозмездная и постоянно возрастающая потеря части ежегодно создаваемого богатства под видом процентов.
3. Развитие чудовищного тунеядства, все более и более развращающего общество.

Реформы в духе взаимности отличаются тем, что они в одно и то же время и строго держатся права, и проникнуты высокой общественностью: цель состоит в том, чтобы прекратить всякого рода поборы, взимаемые теперь с работников под такими предложениями и такими средствами, которые когда-нибудь будут оговорены в конституции и вменены правительству в преступление[13].

Взаимность, которую в наше время так страстно отрицают защитники привилегий и которая составляет отличительную черту нового учения, не требует, чтобы мы давали займы, ничего за это не ожидая: *Mutuuum date, nihil inde sperantes*. Отступая от нравственного учения древних моралистов, новейшие теологи подняли вопрос о том, заключается ли в этих словах положительное запрещение давать в долг на проценты; считать ли их предписанием или просто советом. Различие, которое мы выше установили между законом милосердия и законом справедливости, и наше теперешнее объяснение личного кредита и кредита взаимного, который всегда должен быть обеспечен, но никогда не должен рассчитывать на выгоду, раскрывают нам истинный смысл этого изречения.

Моисей первый сказал еврею: Не бери процентов с брата, а лишь с чужеземца. Его главной целью было предупредить смешение и отчуждение наследств, которым в его время, как и в наше, угрожал заклад. С той же целью он установил отпущение долгов через каждые 50 лет. Но Иисус Христос, обобщая закон Моисея, говорит: Давай в долг без процентов и брату, и еврею, и чужеземцу. Таким образом он закончил век эгоизма, век национальностей и открыл период любви, эру человечности. Теперь, не возвращаясь к общинности и к милосердию, мы утверждаем экономическую взаимность, где никто ни от кого не требует жертвы и где каждый получает всякую вещь за настоящую цену труда. Несмотря однако на простоту этой идеи, мы можем сказать о себе: Они нас не поняли – *Et sui eum non comprehenderunt*[14].

Прикрытый ложным именем свободы, эгоизм въелся в нас и развратил все наше существо. Нет на свете той страсти, той ошибки и той формы порока и неправды, которая не лишала бы нас доли нашего скудного продовольствия. Мы платим дань невежеству, случаю, предрассудку, ажиотажу, монополии, шарлатанству, рекламе, безвкусию, платим такую же дань чувственности и лени, кризисам, застоям, стачкам, прекращению работ, не говоря уже о том, что, благодаря нашим рутинным привычкам, мы кроме того платим дань конкуренции, собственности, власти, религии, даже науке, об уничтожении которой, очевидно, не может быть и речи, – всему этому платим мы дань, превышающую оказываемые нам услуги. Везде экономическое право нарушается в своих основных принципах, и везде это нарушение влечет за собою, в ущерб нам, отчуждение богатства, развитие тунеядства и разврат общественных нравов.

Версия #1

Зверобой создал 20 марта 2025 02:06:42

Зверобой обновил 20 марта 2025 02:06:57